

О переводимости лингвистических задач: Уроки Первой международной лингвистической олимпиады

Держанский И. А., Бердичевский А. С., Гилярова К. А.,
Иомдин Б. Л., Муравенко Е. В., Рубинштейн М. Л.

В сентябре 2003 года в Болгарии успешно прошла первая в истории Международная Олимпиада для школьников по теоретической, математической и прикладной лингвистике. В Олимпиаде участвовали команды из Болгарии, Латвии, Нидерландов, России, Чехии и Эстонии. Для каждого из участников условия задач, изначально составленных по-русски, были предоставлены в переводе на его родной язык. Хотя Задачная комиссия и переводчики приложили много усилий к тому, чтобы нивелировать различия языков участников и поставить их в максимально равные условия, опыт показал, что это удалось не вполне. В докладе рассматриваются некоторые интересные явления, обнаруженные как школьниками в процессе решения задач, так и жюри во время проверки работ. Оказывается, что при всем многолетнем опыте проведения лингвистических состязаний в России и в Болгарии организаторам Международной лингвистической олимпиады приходится преодолевать большие трудности при составлении корпуса задач. Кроме проблем, возникающих в процессе перевода условий задач, надо учитывать и сложности иной природы, связанные с влиянием родных языков участников на степень их знакомства с языковыми явлениями, представленными в задачах. При увеличении числа команд из разных стран эти сложности, легко видеть, возрастают многократно. Однако и многоязычная лингвистическая олимпиада вполне возможна, при условии, что задачи подвергаются тщательной проверке, предусматривающей экспертную оценку и анализ контрольных решений не только на языке оригинала, а и во всех переводах.

И когда друзья говорили мне:

— Пора бы тебе перевести «Алису»! Неужели тебе этого не хочется?

— Очень хочется, — отвечал я, — только я успел убедиться, что, пожалуй, легче будет ...перевести Англию!

Да, я был уверен, что все знаю про «Алису», и уже подумывал — не засесть ли мне за солидный ученый труд под названием «К вопросу о причинах непереводимости на русский язык сказки Льюиса Кэрролла», как вдруг ...

(Борис Заходер. Предисловие к пересказу «Алисы в стране чудес»)

Альберт Эйнштейн однажды заявил, что изобретения в наши дни могут делать только люди, которые не знают, что сделать это невозможно.

Организаторам Первой международной олимпиады по теоретической, математической и прикладной лингвистике пришлось на время забыть, что многоязычная лингвистическая олимпиада — дело исключительно сложное, если вообще возможное.

Забыть — потому что не знать об этом нельзя. Уже два десятка лет в Болгарии регулярно проводятся лингвистические турниры, в которых нередко используются задачи российских авторов. В 2001 и 2002 гг. команды болгарских школьников принимали участие в Московской Традиционной олимпиаде по лингвистике и математике. Нет недостатка в опыте, который показывает, что одни задачи переводить легко, другие не очень, а третьи вообще не переводятся. Это верно даже тогда, когда речь идет о двух близкородственных языках. А если увеличить число и разнообразие языков?

На Первой международной олимпиаде встретились победители традиционных олимпиад из России, Болгарии и Нидерландов, а также школьники из Латвии, Чехии и Эстонии, только что познакомившиеся с понятием лингвистического турнира. Задачи требовалось предоставить командам на пяти языках: русском (на котором все они составлялись; этим языком пользовались как российские, так и латвийские участники), болгарском, чешском, нидерландском и эстонском. Чем дальше по этому списку, тем позже был начат поиск переводчиков и тем хуже те представляли суть дела. Это не могло не сказаться на переводах.¹

1. Lost in Translation, или влияние особенностей языка-оригинала на иноязычные версии задач

В Задаче И/1² рассматривается «Трансцендентальная алгебра» — пазиграфия, внешне основанная на общепринятой алгебраической записи, но внутренне находящаяся под более сильным влиянием русского языка, чем представлял, видимо, создатель «Алгебры» (а вслед за ним — и автор задачи).

В контрольных примерах, подлежащих переводу с родного языка на «Алгебру», содержится выражение «мы с мужем», которое следует перевести буквально как «я и муж» (что по-русски тоже возможно, хотя и менее идиоматично). Русскоязычные решатели должны были сообразить, что под «мы с ...» подразумевается «я и ...» и что в переводе так и нужно сказать; в переводах условия на языки, где такого оборота нет или он может означать не только «я и ...», а и «мы и ...», приходилось говорить прямо “*скажите букв. «я и муж»*”. Таким образом пользовавшиеся этими переводами решатели оказывались в более благоприятном положении. Вместе с тем в «Алгебре», как и в русском языке, можно не указывать, что речь идет о муже первого лица, в то время как в других языках это необходимо явно указать (тем более что в них значения ‘муж’ и ‘мужчина’ выражаются одним словом).

Переводу с родного языка на «Алгебру» подлежало также предложение «О вас заговорят». В эстонском тексте задачи оно приобрело вид *Teist räägitakse*, что в зависимости от контекста (которого здесь нет) может означать как ‘О вас заговорят’, так и ‘О вас говорят’, поскольку в этом языке нет будущего времени. Таким образом возникло побочное решение (настоящее

¹ Это не преминули заметить и «потерпевшие» школьники: «Появляются проблемы с переводом задач, потому что переводчики обычно не задаются вопросами, связанными с их решением» (Триин Виснапуу, представительница Эстонии; выдержки из анкеты опубликованы в газете «Русский язык» от 1–7. 12. 2003 г.) Что «обычно», это преувеличение, но бесспорно, что Задачной комиссии Международной олимпиады есть о чем подумать.

² Здесь и далее буква слева от косой черты обозначает И(ндивидуальное) или К(омандное) соревнование, а число справа от черты — номер задачи.

время в «Алгебре» выразить проще, поскольку оно немаркировано). Но что мог бы сделать переводчик, даже если бы он заметил, что происходит? Разве что указать явно «(*tulevik* [‘буд. вр.’])», причем решавшие задачу по-эстонски все равно получили бы небольшую фору, так как остальным приходилось извлекать значение времени из формы глагола на родном языке.³ Та же фраза содержит безличную конструкцию, которая на разных олимпиадных языках оформляется по-разному (в русском — форма 3 л. мн. ч.; в болгарском — обычный в этой функции возвратный залог; в чешском — тоже возвратный залог, но в этом языке в такой роли малоупотребительный; в нидерландском — залог страдательный; в эстонском — особая безличная форма). На «Алгебру» же она была переведена еще бóльшим числом способов. В Таблице 1 столбцы соответствуют языкам, на которых решалась задача, строчки — предложенным вариантам перевода на «Алгебру» (в качестве метаязыка использован английский), а в клетках обозначено число работ, в которых встретился каждый вариант. Выделены клетки, где формулировка средствами «Алгебры» сопоставима с выражением соответствующего олимпиадного языка.⁴ Авторский перевод, он же и самый популярный среди участников, — вариант (1) (самый «англоподобный», хотя вообще «Алгебра» мало чем похожа на английский язык).

Поскольку в «Алгебре» подлежащее и сказуемое пишутся соответственно как основание и показатель степени, в вариантах (3) и (7) знак, соответствующий глаголу, был изображен «на отлете». Вообще-то в математике так не бывает, а «Алгебра» подражает математической нотации, которая, впрочем, не признает и выражений вида «(>I)» ‘великан’. В связи с этим представляет интерес заявление представителей Чехии, что выбор такого странного выражения имел целью передать неуклюжесть данной на перевод чешской фразы.

Таблица 1. Варианты переводов предложения «О вас заговорят!»

³ Такая же многозначность, только вовремя замеченная и устраненная еще на этапе перевода, возникла при переводе конструкции с частным отрицанием на чешский и нидерландский, где оно не отличается от общего отрицания (ср. Ч *Dopis nebyl napsán jí* ‘1. Письмо было написано не ею, 2. Письмо не было написано ею’). Решателям же пришлось при переводе на болгарский, нидерландский и эстонский предложения «Алгебры» с местоимением Δ_2 ‘ты (ж. р.)’ в роли подлежащего открытым текстом указывать, что второе лицо — женщина, в то время как по-русски и по-чешски этот факт отражается в выборе формы глагола (Р *ты работала*, Ч *pracovala jsi*).

⁴ Русская конструкция занимает промежуточное положение между вариантами (6) и (7), потому что форма относится к 3 л. мн. ч., но местоимение *они* в ней присутствовать не может. По подобным соображениям болгаро-чешская и нидерландская конструкции считаются промежуточными между вариантами (2) и (3).

язык	Р	Б	Ч	Н	Э	Σ	
(1) you will be talked about	5	8	1	3	2	19	
(2) it will be talked about you			1			1	ср. <i>Н er zal over jullie gesproken worden,</i>
(3) will be talked about you			2			2	<i>Б за вас ще се говори, Ч o vás se bude mluvit</i>
(4) man will talk about you	3	1		1		1	
(5) people will talk about you	2	1				3	
(6) they will talk about you	2					2	ср. <i>Р o вас заговорят</i>
(7) will talk about you					2	2	ср. <i>Э teist räägitakse</i>

Обращает на себя внимание тривиально низкая популярность вариантов (2–3) среди болгарских и нидерландских и (6–7) — среди русских участников.⁵ Можно сделать вывод, что ошибки, вызванные влиянием языка, на котором решается задача, действительно довольно вероятны, если у участников мало опыта, а с возрастанием силы решателей вероятность таких ошибок быстро падает.

В Задаче И/4 требовалось дать «более полные, пусть и менее естественные, переводы» адыгейских вопросительных предложений со словом *тыда* ‘куда’. При этом имелось в виду, что адыгейский язык обозначает локализацию действия в глаголе, так что значение ‘куда ставит’ может выражаться буквально как «куда вставляет», т. е. ‘во что ставит’ (*тыда зыдигъэуцорэр*),⁷ «куда наставляет» (*тыда зытыригъэуцорэр*) или «куда подставляет» (*тыда зыкligъэуцорэр*). Это указание было оставлено во всех версиях задачи. На самом деле даже по-русски *под(о) что ставит* звучит вполне приемлемо, являясь при этом полным⁶ переводом адыгейского выражения. Был предложен также вариант *под куда ставит*, причем распределение вариантов перевода по языкам выглядело следующим образом:

Таблица 2. Варианты «неестественных» переводов конструкции «куда? = под что?»

язык	Р	Б	Ч	Н	Э	Σ
‘под что’	11	5	3	2	1	22
‘под куда’	2	4		3	4	13

Примечательно, что удельный вес решений второго типа, предложенных на каждом языке, тем выше, чем более приемлемо на этом языке выражение ‘под куда’: по-чешски **pod kam* вообще нельзя сказать, но в болгарском *къде* ‘где, куда’ обладает некоторой сочетаемостью с

⁵ Интересно, что обе работы, где встретился вариант (6), принадлежали представителям Латвии, причем в одной из них содержалась ссылка на употребление безличного *they* в английском языке.

⁶ Но неточным, так как в адыгейском вопросительное наречие, а не местоимение; впрочем, у решателя не может быть уверенности, что *тыда*, переведенное как ‘куда’, и *сыда* ‘что’ не являются разными падежными формами одного и того же слова, как *лагъэм* и *лагъэр* ‘тарелка’.

предлогами (ср. *през къде* букв. ‘через где’)⁷, так что *??под къде* несколько менее плохо, чем в других славянских языках; по-нидерландски *waaronder* (ср. *waar* ‘где’) даже предпочтительнее, чем *onder wat* ‘под что’, а в эстонском *alla* — не только послелог ‘под’, но и наречие ‘вниз’ (*tabureti alla* букв. ‘в низ табуретки’), и *kuhu alla* можно понять не только как ‘под куда’, но и как пару обстоятельств (‘куда вниз’).

Несколько неожиданным (но не то чтобы непонятным) было то, что нескольких участников неоднозначное предложение отклониться от естественности заставило искать способы передать буквально в переводе адыгейский порядок слов (прямое дополнение — косвенное дополнение — глагол).

Задача И/5 посвящена французскому превербу *re-*, означающему возобновление или повторное выполнение действия, передаваемого бесприставочным глаголом. В русском оригинале задачи соответствия французских приставочных глаголов были подобраны так, чтобы этот общий смысл был выражен в них как можно бóльшим числом способов, а решатель выделил его сам. В общей сложности одной французской стратегии сопоставлены восемь русских, а именно приставки *воз-* и *пере-* (*воссоздавать*, *переиздавать*), наречия *вновь*, *заново*, *повторно* и *снова*, глагол *возобновлять* (~ *игру*) и замена лексической единицы (*говорить* : *повторять*). Кстати, отметим, что приставка *воз-* есть и в одном из глаголов, не имеющих итеративной семантики (*вознаграждать*). В переводах же соответствующих стратегий оказалось меньше (четыре в болгарском – единственном, где сохранилась уловка с глаголом *вознаграждать* – и чешском, пять в нидерландском и эстонском). Безусловно, эти расхождения объясняются не только различиями между языками, но и тем, что переводчики, усмотрев общее значение, поддавались стремлению передать его более или менее единообразно, тем более что они могли и не давать себе отчета о том, что разнообразие преднамеренно (сюда относится, вероятно, перевод на эстонский французского *répéter* ‘повторять’ как *kordama*, а *redire* ‘повторять’ — как *üle rääkima*). Это еще раз демонстрирует всю сложность работы над переводом лингвистических задач: порой переводчик не должен стремиться к максимальной эксплицитности, а намеренно сохранять неопределенность, присутствующую в оригинале. В любом случае уменьшение разнообразия не могло не облегчить задачу решателям.

Рассмотрение этих задач обращает внимание на то, насколько разные значения грамматикализуются и лексикализуются в разных языках. Заметим, что задача на переводные соответствия в значительной мере является упражнением в семантическом «разборе» и «сборе», то есть в выделении элементов значения из языковой структуры, устроенной по законам одного языка, и сложении их заново по правилам другого. При этом весьма важно, насколько похожи между собой эти структуры, какие элементы в каждой из них выражаются вместе, какие — врозь, а какие не выражаются вообще, а угадываются лишь по контексту или оговариваются особо, если это действительно необходимо. Вынужденное упрощение задачи может получиться вследствие аналитизма языка формулировки, отсутствия в нем тех или иных категорий или его структурного сходства с незнакомым языком.

⁷ Впрочем, вопросительные наречия *докъде* ‘докуда, до какого места’, *накъде* ‘куда, в каком направлении’, *откъде* ‘откуда’ только тем и отличаются от свободных словосочетаний *до къде* и т. д., что в принятой орфографии пишутся слитно.

2. Трудности перевода, или сопоставление переводных версий задач и анализ решений школьников

В Задаче К/1 приводилось имеющее хождение в науке предположение, что «в тохарском В языке существовало ударение (приблизительно такое же, как, например, в английском языке)». При этом подразумевалось не что иное, как свободное ударение. Имелось в виду, что среди родных языков участников есть языки и с фиксированным ударением (чешский, эстонский), и со свободным (русский, болгарский); автору не хотелось, чтобы разные переводы ссылались на разные языки, а с английским участники, как правило, были в той или иной мере знакомы. К сожалению, некоторых решателей эта формулировка сбивала с толку, ибо они вычитали из нее больше, чем предполагалось. Дело в том, что английское ударение как раз очень непохоже как на тохарское В, так и на русское и болгарское (в частности, в английском не бывает ударных легких слогов в конечном положении, как в тох. В *wlo* ‘царь’). Вот чем может обернуться стремление перехитрить многоязычность.

Задача К/2 — «металингвистическая»; тут нужно было разобраться не столько в языковых явлениях, сколько в лингвистической нотации (употреблении индексов для указания кореферентности). Ее переводимость ограничена уже тем, что в славянских языках есть возвратные притяжательные местоимения, а в нидерландском их нет. По мнению автора задачи, это не должно было сильно сказаться на ее сложности, и эта надежда, похоже, оправдалась. Зато сказалось расхождение между нормой и узусом в эстонском, где разговорный стиль допускает контроль притяжательного местоимения 3 лица *tema* подлежащим, в то время как литературная норма (и, соответственно, школа) настаивает на особом возвратном местоимении *enda*. Эстонский текст задачи был ориентирован на узус. Школьники, однако, настояли на норме, сочтя отсутствие звездочки при индексе «j» в предложении *Poiss_i mängib tema_{i;j} püstoliga* ‘Мальчик_i играет его_j/своим_i пистолетом’ указанием на то, что индексами отмечают не кореферентность, а что-то другое, и сознательно отказались от найденного вначале правильного решения. (Лингвистические задачи вообще весьма часто ставят школьников, да и членов задачных комиссий, в тупик противоречий между нормой и узусом.)

Переводимость задачи К/3 зависит от существования в языке некоторого количества минимальных пар глаголов, являющихся близкими синонимами, но различающихся наличием или отсутствием перформативного употребления, как русские *умолять* : *упрашивать* или *обещать* : *сулить*. При переводе задачи на остальные языки оказалось, что в них отыскать такие пары значительно труднее, а многие из носителей английского языка, опрошенных в процессе перевода задачи на английский уже после Олимпиады, вообще отказывались верить в существование несемантических ограничений на перформативное употребление глаголов (хотя понятие перформативности было в свое время введено именно на материале английских глаголов). Отсюда следует вопрос: насколько идиосинкратично, например, различие между перформативным *умолять* и констативным *упрашивать*? И что означает наличие таких пар в русском языке?

Примечательно, что в нидерландской версии этой задачи было найдено побочное решение: оказалось, что именно глаголы первой группы (то есть перформативы) могут управлять инфинитивной конструкцией (с частицей *te*):

Ik beschuldig hem ervan, een moord gepleegd te hebben. ‘Обвиняю его в совершении убийства.’

Ik beloof hem, op tijd te komen. ‘Обещаю ему прийти вовремя.’

Ik beveel hem, weg te gaan. ‘Приказываю ему уйти.’

Ik raad hem aan, een boek te lezen. ‘Советую ему прочитать книгу.’

Ik smeeek hem, mij vrij te laten. ‘Умоляю его отпустить меня.’

Глаголы второй группы (*verwijten maken* ‘делать упреки’, *voorspiegelen* ‘сулить’, *commanderen* ‘командовать’, *consulteren* ‘консультировать’, *afsmeken* ‘упрашивать’) этой способностью не обладают.

Пять пар глаголов в условии задачи были выбраны практически произвольно (переводчики стремились выбирать по возможности близкие соответствия глаголов из русского оригинала). Представляется маловероятным, чтобы корреляция инфинитивного управления с перформативностью (и, соответственно, его отсутствия — с констативностью) во всех этих парах была случайной. Но в чем ее сущность? Вот пример того, как олимпиада заставляет задуматься над языковыми явлениями не только участвующих в ней школьников, но и лингвистов, проверяющих и изучающих их решения.

Еще одна проблема, на этот раз сугубо методологического характера, связана с влиянием родного языка участников на степень их знакомства с языковыми явлениями, представленными в задачах. Стремление к максимальной «равноудаленности» этих явлений от существующих в родных языках решателей серьезно ограничивает круг приемлемых задач. При этом надо учитывать не только генетическое родство языков (понятно, что у носителей турецкого языка будет огромная фора при решении задачи на татарский), но и не всегда лежащее на поверхности наличие сходных явлений в неродственных языках (скажем, сходные системы образования числительных в грузинском и датском). Порой даже возникает опасение, что при увеличении числа команд из разных стран международная олимпиада может свестись к однотипным задачам на экзотические (малые) языки. Это неизбежно привело бы к падению интереса как участников, так и организаторов, ведь привлекательность олимпиады для школьников и ее методическое значение во многом кроются именно в многообразии представленных в задачах языков и явлений.

3. Заключение

Лиха беда начало. На Первой международной лингвистической олимпиаде участников было слишком мало, чтобы можно было говорить о полновесных и надежных статистических исследованиях зависимости различий в решениях задач носителями разных языков от данных этих языков. Но уже сейчас можно отметить, насколько полезны уроки, преподнесенные этой олимпиадой: факт непереводаемости или неполной переводаемости языковых единиц с одного языка на другой, обнаруженный в процессе перевода задач или разбора решений, может представлять интерес для лингвистической теории и стать отправной точкой для серьезных разработок. Эти неожиданные приобретения, несомненно, будут еще более частыми в дальнейшем.

Однако для того, чтобы застраховаться от неожиданных потерь, необходимо, чтобы задачи подвергались контрольному решению не только на языке оригинала, а и во всех переводах. При соблюдении этого условия многоязычная лингвистическая олимпиада вполне реальна.

Литература

1. Задачи Первой международной олимпиады по теоретической, математической и прикладной лингвистике. / Отв. ред. И. А. Держанский. (На русском, болгарском, нидерландском, чешском и эстонском языках). Боровец, 2003.
2. Международная олимпиада по теоретической, математической и прикладной лингвистике. Официальный сайт: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/mol/index.php>.